

— Ха Ныль, иди ешь.

Лим Бон Су резко оборвала разговор и отправила мальчика в столовую. Ха Ныль радостно улыбнулся и убежал в ресторан, а Лим Бон Су, с поварёшкой в руке, подошла к Ын Юлю.

— Вы знали?

— А как можно было не знать? Такие уж одинаковые, что не заметить было бы странно.

— Но ведь можно было подумать, что просто похожи с Ха Нылем...

— Если бы хотел скрыть — не стоило бы так пугаться.

Похоже, его реакция — испуг и смтение при виде Кан Ха Джуна — была не чем иным, как прямым признанием: это отец Ха Ныля. Ын Юль растрепал себе волосы, не зная, что делать, и, запинаясь, начал:

— То... тот человек не знает о существовании Ха Ныля. Я ему не говорил, и... мы ведь даже не встречались толком...

— Если хочешь, чтобы я догадками додумывала, иди-ка лучше работай. — Лим Бон Су резко пресекла его сбивчивую речь.

— Ну? Ты идёшь?

— Иду, иду. Вот иду же.

После такого холодного окрика благодарность к бабушке улетучилась. Проворчав, Ын Юль поспешил в ресторан, решив, что выплеснет досаду на купленную бабушкой дорогую редьку для кимчи.

— Придурок, — бросила вслед ему Лим Бон Су.

Элегантная рука, резавшая стейк, замерла, и вслед за этим зазвучал мягкий голос.

— Правда? — Хён Чжэ Ха склонил голову набок, и по его плавным линиям лица соскользнула прядь волос. Она на миг закрыла лоб, но, как только он выпрямился, вернулась на место.

— Да. Отложить помолвку можно. — Кан Ха Джун повторил свои слова.

Хён Чжэ Ха сделал странное лицо. Казалось бы, он должен был радоваться, что Ха Джун прислушался, но на душе стало тягостно.

Их брак был делом домов: Чжэ Ха сам выбрал Ха Джуна, потому что тот был добрее прочих альф. Сначала и Ха Джун был заинтересован, но в какой-то момент всё застопорилось. Отношения застыли, и лишь Чжэ Ха продолжал ждать свадьбы. А тут Ха Джун сам предложил отложить — хотя время наоборот должно бы поджимать. Причина могла быть только одна: Чжэ Ха надеялся, что Ха Джун сам снова попросит о помолвке.

Он знал: если они не поженятся, отец Ха Джуна не оставит это так. Чжэ Ха хотел услышать от Ха Джуна слова «я тебя хочу», но тот, напротив, легко согласился на отсрочку.

— Ведь впереди назначение вашего отца прокурора в ректоры. Зачем лишний раз наводить слухи, — сказал Ха Джун.

Его отец, бывший предприниматель, ставший политиком, был слишком заметной фигурой, и любые связи обрастали слухами. Ха Джун вертел в руке бокал вина, и жидкость плавно колыхалась вдоль стеклянной стенки. Это был его любимый сорт: ненавязчивый аромат, мягкая кислинка, не перебивавшие вкус блюда. Но сегодня вино не радовало. Может, потому что днём он столкнулся с резким запахом, до сих пор стоявшим в носу.

— Спасибо, что выслушали. Но я не ради отца так решил. Ваш отец — редкий человек, единственный, кого признаёт мой. Наша помолвка никак не повлияет на его назначение, — мягко улыбнулся Чжэ Ха. — Я скажу папе, что не спешу. Если вам нужна будет помощь, обращайтесь. Отец меня не слушает так, как вас.

— Хорошо.

— Кстати, у вас сегодня было много дел?

Он спросил так, будто напоминая о переносе встречи. Днём Ха Джун обедал в убогой забегаловке. И пока он обдумывал, считать ли это «важным делом», медленно кивнул.

— Дела не сложились.

Депутат Хан Чхоль Сын отказал ему и в придачу задал загадку. Ха Джун отправился в тот ресторан ради разгадки, но вернулся лишь с сумбуром в голове. И взгляд его всё время тянулся к внуку хозяйки. Парня не было даже на кухне, можно было бы уйти... но ноги словно приросли к полу.

«Кто он такой?»

А потом появился мужчина — с ребёнком на руках. Значит, исчез он ради ребёнка. Если бы не оказалось, что он внук хозяйки, Ха Джун, возможно, подошёл бы ближе...

Мысли о дне ещё не отпустили, когда прозвучали слова Чжэ Хи:

— Какая бы ни была работа, сначала берегите здоровье.

Он подвинул к нему тарелку со стейком. Ха Джун посмотрел — и так и не притронулся, лишь поднялся из-за стола.

— Ай, горячо! — Ын Юль резко отдернул руку, коснувшись раскалённой кастрюли, и прижал её к уху. Хотел схватиться за ручку, а задел бок.

— Вот и молодец, — цокнула языком Лим Бон Су, держа подмышкой вымытого Ха Ныля. — Приняла этого балбеса — и сама себе жизнь испортила. Самый рассеянный в мире человек!

— Такие слова говорите, когда меня нет.

— А не делай глупостей — и не скажу.

— Я ведь квас варил для кимчи. Вы даже не спросили, сильно ли я обжёгся, сразу ругаете, обидно же.

— Кто тебя просил? Домой иди, а сам прицепился, как клещ... ещё и старуху впрягаешь.

Пока Ха Ныль бегал голышом, Лим Бон Су достала из кладовки одежду и накинула ему на голову. Мальчик выбрался наружу и сам стал натягивать вещи. Глядя на это, она обернулась к Ын Юлю:

— Без глупостей. Ступай домой.

— ...Ладно.

Он понимал, что тут всё равно только мешается. Пока он бегал с редькой, бабушка сама и покормила, и искупала внука.

— Вы даже ничего не спрашиваете?

— Да уж всё ясно по твоему виду.

Она имела в виду первый раз, когда он появился. Тогда Ын Юль метался в поисках хоть какого-то приюта. И единственной, кто его приютил, оказалась она.

— Жалко стало дохлого щенка — и вот теперь он ещё и щенят припёр. Сама себе яму выкопала.

— Завтра приду.

Он боялся, что она снова начнёт вспоминать всё с самого начала. Поэтому взял Ха Ныля за руку. Тот, едва просушенный, уже зевал.

— Ступай, — буркнула Лим Бон Су.

Ын Юль поклонился и поднял сына на руки. Ребёнок клевал носом, и хотя за спиной хлопнула и захлопнулась дверь, он всё ещё стоял на месте.

— А если вы надорвётесь, сами готовя кимчи... — пробормотал он.

Хотя все тяжёлые работы делал он, перемешивать всё равно трудно. Но сказать это — не услышать ничего ласкового.

— Эх... — вздохнул Ын Юль, удерживая сонного Ха Ныля, и только тогда повернулся к дому.

Старая развалюха наш дом. Ын Юль с Ха Нылем жили в полуподвале с отдельным входом сбоку. За железными воротами были две двери: ближняя — у одинокого мужчины лет пятидесяти, дальняя — их.

Дверь открывалась ключом — домофона не было. Ын Юль слегка подтолкнул сына в спину.

— Ура, мы дома! — закричал Ха Ныль и, даже не сняв обуви, побежал в комнату.

А Ын Юль лишь мягко улыбнулся и склонил голову, заходя — иначе задел бы притолоку.

Дом, где радостно бегал ребёнок, был крошечным: одна комната, крохотная гостиная с кухней в два шага и тесный туалет. Но это был их уютный уголок.

Жильё он снял за пять миллионов вон — казалось, сумма огромная. Но реальность показала, что даже на такие деньги нормального жилья для двоих не найти. И лишь благодаря снисходительному хозяину, снизившему залог, они сюда въехали.

Когда-то, скитаясь, Ын Юль нашёл приют у Лим Бон Су. Работая и живя в её столовой, он скопил немного денег и перебрался сюда, купив хоть какие-то вещи. Бабушка ворчала: зачем уходить, мог бы и дальше жить при ресторане. Но он боялся, что иначе так и будет бесконечно висеть на ней.

— Ужинали мы в ресторане, а перед сном ты ещё и помылся... да, вижу, помылся, — пробормотал Ын Юль. Хотя и не без помощи бабушки Лим Бон Су, но всё же.

Он расстелил одеяло, и Ха Ныль, умытый только с рук да ног, сразу юркнул под него. Тело ещё не согрелось, и мальчик дрожал, но ему даже это нравилось — он радостно топал ножками.

— Папа, давай скорее ко мне! — позвал он.

Ын Юль широко улыбнулся и тоже залез под одеяло, прижал сына к себе. А потом ещё и щекотать начал — по животику, по ножкам.

— Ык-ха! Не-е-ет! — Ха Ныль извивался и смеялся, но Ын Юль уже и губами стал дуть на его живот.

Ха Нылю было уже не год-два, и если он случайно заедет кулаком, то в глазах у Ын Юля искры посыпятся. Но всё равно — ради смеха сына стоило пошалить.

— Весело, да? — сказал он, высунувшись из-под одеяла, и улыбнулся. Но вдруг замер: Ха Ныль смотрел с обидой, на глазах стояли слёзы.

— Эй, ты чего? Почему плачешь?

— Я же сказал не надо... — всхлипывая, с паузами, пробормотал малыш и отвернулся к стенке.

— А... прости. Переборщил, — смущённо почесал затылок Ын Юль и стал осторожно тыкать сына пальцем в спину. — Ну не сердись, ладно?

После нескольких извинений Ха Ныль протянул руку:

— Если пожмёшь руку — прощу.

Ын Юль мигом схватил маленькую ладошку и энергично потряс. Мальчик обернулся.

— Но это в последний раз! Больше не прощу.

— Договорились.

Конечно, он имел в виду не один, это всего лишь один раз но какая разница? Всё равно мило. Ын Юль заключил сына в объятия и прижался носом к его голове. Смешанный аромат шампуня и детского запаха был сладок, словно сахарная вата.

Вдыхая это, Ын Юль закрыл глаза. И тут же вспомнил сегодняшнюю встречу.

«Кан Ха Джун обручен с Хён Чжэ Хой».

В оригинале прошло бы уже пять лет после моей смерти — и они бы, наверное, успели пожениться, да ещё и ребёнка завести.

«И он... тоже похож на Ха Джуна?»

Стоило только раз задуматься — и в воображении всплыла свадебная фотография: Кан Ха Джун и Хён Чжэ Ха, стоящие рядом.

Так, не зная, что своим выживанием он уже полностью изменил сюжет оригинала, Ын Юль уснул.

<http://bllate.org/book/14449/1277807>